

Шевченко Т. Г.

4.3.92.

Работы художника Тараса Шевченко. — Киев. — 1992. — Часы.

Любовь в жизни Тараса Шевченко

Загадки прошлого

Репнина обижалась на своего родственника Орлова за его отказ разрешить Шевченко рисовать. Но не от Орлова зависела выдача этого разрешения. Да, бесспорно, особой доброжелательности шеф жандармов не питал к Шевченко. Но Варвара Николаевна тогда еще не знала, что в своем заключении по делу Кирилло-Медиевского общества на имя царя Орлов полностью отрицал причастность Шевченко к этому обществу и сводил его вину лишь к тому, что «художник С.-Петербургской Академии Художеств Шевченко... вместо того, чтобы вечно писать благоговейные чувства к osobам Августейшей фамилии, удостоивших его выкупа из крепостного состояния, сочиняя стихи на малороссийском языке самого возмутительного состояния». А посему, обращаясь в письме к царю Орлову, — «он должен быть признаваем одним из важных преступников», Орлов предлагает в наказании определить Шевченко рядовым Оренбургского отдельного корпуса с правом выслуги, «поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений». О запрете рисовать речь в докладной Орлова не шла. Но царь, ознакомившись с этим документом, сделал приписку: «Под строжайший контроль с запрещением писать и рисовать». Не мог Орлов сообщить об этом и Репниной.

Упрекая Орлова в бессердечии, Репнина не знала, что шеф жандармов после ее письма, собрав положительные характеристики на Шевченко от командования по месту службы поэта и их ходатайства о предоставлении права ему рисовать, 9 декабря 1849 года обратился к Николаю I с ходатайством об этом. Но царь своего решения не изменил. Запрет был оставлен в силе. На этом ходатайстве имеется

запись: «Высочайшего соизволения не последовало. Верно: генерал-лейтенант Дубельт». Следует отметить, что и Шевченко обращался к Дубельту с просьбой разрешить ему рисовать.

Академик М. Возняк отмечает, что Репнины сразу же сумели оценить духовное богатство Шевченко и поставить наравне с собой бывшего крепостного, а княжна стала его близким другом, сестрой, воплощением совести поэта. До самой смерти она берегла память о нем, рассказывала о знакомстве с ним и живо интересовалась всем, что осталось к нему и что о нем писалось в газетах и журналах. Репнина часто смотрела на нарисованный и подаренный ей в Яготине автопортрет поэта и жалела, что не может лицезреть лицо оригинала. Репнина признается, что она хотела бы «всегда видеть его великим», чтобы он всегда был «неизменно свят и лучезарен» и хотела, чтобы этими превращениями Шевченко был обязан ей, а не кому-то другому. В Шевченко ей нравилось все: и его простодушие, соединенное с проницательностью, его добросердечный юмор, беззаботная веселость с поволокой грусти, его практическая рассудительность. Не нравилось только одно:

Вип'еш перву —
стременевшися,
Вип'еш другу —
схаменевшися,
Вип'еш третю — в очах сяє,
Дума думу поганяє.

Варвара Николаевна с первых же дней своего увлечения поэтом начала неравную борьбу против вредного влияния Моссеки, Березовых Рудон и других злаковых мест, «где прёт увлечался недостойным и недостойными». В этих действиях уже усматривается не только желание помочь поэту, поставить его на правильный путь, но и значительная примесь проявления ревности, стремление ограничить свободу действий Шевченко, изменить его привычки и принципы. Описывая поведение Шевченко в Яготине, Репнина отмечает, что «поэт был добр до слабости и душевно легкомысленный до жестокости, нерешителен и неодуман в действиях своих. Его нельзя было не любить; для тех, кто истинно любил его, он был источником забот, непрерывных переходов от восторга

к негодованию, от сочувствия к охлаждению». И далее добавляет, что им нельзя было не воссторгаться. Тщательная опека со стороны княжны, ее наставления, хотя и добрые, вызывали у Шевченко обратное действие. Уливаясь долгожданной свободой, он не терпел насилия над своей волей даже от самых близких людей и часто восставал против их советов, какими бы хорошими они ни были. Он ненавидел рабство, но и опеку благожелательную. Именно этого не разгадала Репнина в своем кумире.

Впоследствии эту особенность характера Шевченко подметила известная украинская писательница Марко Вовчок (М. А. Виленская) и сумела сыграть на ней. Шевченко оценил деликатность и такт последней, восхищался ею, называл ее своим донем и свою долею. Марко Вовчок более умело и ненавязчиво высказала свое мнение Шевченко о том, что не всегда следует отвергать советы друзей, предлагающих ему одеть шапку, чтобы не простудиться, а не снимать с себя кирею, поступая наоборот. «Какое воззванное прекрасное создание эта женщина», — отметил Шевченко о Марии Александровне Виленской.

Они познакомились 24 января 1859 года, в честь чего Шевченко подарил Марии Александровне свое стихотворение. Находясь в Петербурге, они неоднократно встречались. Она посещала его мансарду в Академии художеств, он подарил свой портрет и золотой браслет, купленный вскладчину по инициативе Шевченко украинской громадой. Шевченко очень высоко ценил ее творчество, особенно ее образный язык.

Но трудно упрекать в отсутствии такого тонкого поведения Варвару Николаевну, ведь она любила поэта отвергнутой, неразделенной любовью. Она не навидела Моссеку и Березовую Рудку не только потому, что там спасали дорогое ей человека, но и главным образом потому, что там были женщины, позволяющие Шевченко любить себя, она ревновала его к сорнницам. Ведь ей поэт отважился предложить только дружбу, только братскую любовь. Шевченко, не уставая, повторял Варваре Николаевне, что она его добрый ангел, что он готов молиться и плакать перед нею, что она утвердила в нем «веру в существование святых на земле». Но строгий контроль за его поведением с ее стороны действовал на Тараса Григорьевича удручающе. В то же время он писал Виктору Закревскому, предво-

дителю «мочеморд», «что у него сейчас такая сухая морда, что аж сумно».

Княжна, не находя в себе достаточных сил для активного влияния на Шевченко, поручает Капнисту уговорить поэта больше не общаться с Закревскими и даже прекратить переписку с ними. В конце 1848 года Капнист передает Шевченко записку следующего содержания: «...мне поручено просить Вас не заезжать, как Вы предполагали, к Закревскому, а главное не писать к нему ни под каким предлогом. Я знаю Вас и совершенно уверен, что вы свято и нерушимо это выполните. Не горяйтесь, добрый Тарас Григорьевич, мою откровенность: она не из дурного источника... Я рассчитываю на твердость Вашего характера и думаю, что Вы исполните просьбу мою не для меня». Эта записка тоже не помогла. Именно в этот период Шевченко трудился над портретом любимой им женщины — Анны Закревской.

В 1848 году, уже находясь в ссылке, Шевченко посыпал ей свое стихотворение «Г. З.» — «Немає гірше, як в неволі». В этом стихотворении Шевченко с искренним чувством любви обращается к «Г. З.», называя ее «гарно молодою», «прехорошою», своим «единим праздником» и другими нежными словами. С этим именем связано и другое стихотворение поэта «Якби ми встрітилися знову», в котором он воспевает ее черно-голубые глаза, гибкий стан и просит ее улыбнуться, хотя бы на расстоянии. Теплые воспоминания о ней Шевченко пронес через всю оставшуюся жизнь и часто просил своих друзей сообщить ему о знакомых, проживающих в Моссеке и Березовых Рудках.

Шевченко увлекался многими женщинами. Кто же они, избранницы поэта? Несколько слов о женщинах, с которыми он желал связать свою судьбу на всю жизнь. Первой была Феодосия, дочь кирилловского священника Григория Ивановича Кошица, у которого в 1827 году Шевченко служил батраком. Но отец не дал сог-

ласия на брак, видимо, посчитав Шевченко невыгодной партией для своей дочери.

Из воспоминаний современников о Т. Г. Шевченко мы узнаем еще об одном сватовстве Шевченко — к Екатерине Борисовне Пиуновой (Шмидтгоф). В 1858 году ей не было еще и 16 лет, когда Тарас Григорьевич предложил ей руку и сердце. Об этом увлечении рассказано в брошюре Н. Ф. Юшкова, изданной в 1890 г. под названием «К истории русской сцены». Пиунова Е. Б. (1841—1909) — артистка Нижегородского театра. Шевченко познакомился с ней в конце 1857 года. Свою рецензию «Бенефис г-жи Пиуновой, января 58 года» Шевченко опубликовал сначала в «Волжском вестнике», а 11 февраля 58 г. в «Московских ведомостях». В «Волжском вестнике» в 1892 году Пиунова опубликовала свои воспоминания о Шевченко.

Пиунова сообщает: «1856—1857 год я играла в «Нижнем», уже во вновь отстроенном театре. К этому времени относится и мое знакомство со знаменитым поэтом Тарасом Григорьевичем Шевченко, осчастливившим меня тогда своим вниманием и даже сделавшим величественное предложение стать его супругой... Тогда 15-летняя девочка, я, конечно, не могла оценить этого великого человека, но зато всю жизнь потом гордилась и горжусь тем, что обратила на себя внимание». Далее Пиунова описывает, что в ее семье все любили Шевченко, что ее братья и сестры ласкались к нему, что он им пел свои песни, что он бывал в их доме каждый день и т. п.

Далее Пиунова вспоминает, что после отъезда Шевченко, ее отец получил от него много писем с одним и тем же вопросом, но якобы отец прямого ответа не давал до тех пор, пока не приехал из Екатеринослава Максимилиан Карлович Шмидтгоф, который произвел на Екатерину Борисовну неизгладимое впечатление. Они полюбили друг друга и на Пасху послали Тарасу Григорьевичу ответ с окончательным отказом. Почти то же самое, но еще более пространно, описывает в своих воспоминаниях и внука Пиуновой — Шмидтгоф в 3 номере «Литературного вестника» за 1939 год. В этих воспоминаниях много вымысла. Как сама Пиунова, так и ее внук, больше думали о своем престине, чем об искренности. Они не написали, что после признания поэта в любви и объявления о своем желании жениться на ней, Пиунова начала избегать Шевченко, а семья открыла демонстрацию свое неудовольствие, и как видно из дневника поэта bestkaitno «водили его за нос».

Из записок в «Дневнике» Шевченко (февраль 1858 года) ощущается грубость семьи Пиуновой, старающейся избавиться от нежелательного жениха. Его больше не приглашают в дом. И доверчивый поэт прозревает: «Случайно встретил я Пиунову: у меня не хватило духу поклониться ей. А давно ли я видел в ней будущую жену, ангела-хранителя своего, за которого готов был положить душу свою? Отвратительный контраст! Удивительное лекарство от любви — несамостоятельность. У меня все как рукой сняло... Дрянь, госпожа Пиунова!». Петр КРАПИВА. (Окончание следует).